

УДК 321.01

СМОРГУНОВ Леонид Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская, 7-9; l.smorgunov@spbu.ru)

ГОСУДАРСТВО, СОТРУДНИЧЕСТВО И ИНКЛЮЗИВНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к определению роли государства как фактора справедливого экономического роста. Государства рассматриваются как новые конкурентные государства, стремящиеся обеспечить не только стабильный экономический рост, но и связать его с такой инвестиционной публичной политикой, которая бы уменьшала уровень неравенства в обществе и способствовала повышению благосостояния их граждан. Особое внимание уделяется типам экономического роста, управлению публичной политикой и ее видам, определяемым отношением к ней как к фактору экономического развития, а также политико-административным реформам в странах БРИКС. Отмечается открытый характер политико-административных трансформаций и их недостаточная концептуальная оформленность как политико-административной реформы нового типа.

Ключевые слова: инклюзивный экономический рост, государство, управляемость, справедливость, партнерство, сотрудничество, политико-административные реформы, БРИКС

Целью данной работы является описание выбора путей сочетания экономического роста и социального развития за счет формирования посредника между ними в виде политических и административных институтов в странах БРИКС. Основное внимание будет уделено таким темам, как 1) роль государства в решении вопросов сочетания экономического роста и социальной справедливости; 2) сотрудничество как принцип взаимодействия в процессе выработки публичной политики; 3) основные направления политических и административных преобразований в странах БРИКС для повышения уровня партисипаторной государственной управляемости.

Государство и инклюзивный экономический рост. В перечне обсуждаемых сегодня тем приоритетное значение имеет связь темпов экономического роста и проблем справедливости и качества жизни. Хотя в теории экономического роста утверждалась несовместимость эффективности и справедливости, многие исследователи сегодня говорят, что сам по себе интенсивный экономический рост без справедливости не может служить показателем современного развития. Да, по темпам роста некоторые страны БРИКС опережают «старый мир», однако им еще далеко до того состояния, которое обеспечивает населению этих стран удовлетворенность жизнью. Взаимосвязь экономического роста и справедливости описывает концепция инклюзивного развития. Так, лауреат Нобелевской премии по экономике Майкл Спенс писал: «Инклюзивность стала самой существенной частью устойчивого роста. Изначально понятие инклюзивности пришло в экономическую науку из Индии, но теперь оно используется очень широко. Оно касается распределительных аспектов роста и выражает две основные идеи: 1) возможности, создаваемые ростом, должны быть открыты для людей; 2) степень неравенства доходов и доступа к основным услугам должна быть ограничена приемлемыми пределами» [Спенс 2013: 116-117]. Проблема, следовательно, упирается в синергию целей государственной политики и ее способности сочетать экономический рост и исполнение жизненных функций. Речь идет об управляемости государства, об управлении публичной политикой как о системе, построенной на принципах сложного сочетания задач, а не ранжирования приоритетов. В этом отношении справедливость и качество жизни из

отдаленного результата экономического развития превращается в один из его основных факторов и стимулирующую причину.

Почти все страны БРИКС пытаются соединить задачи экономического роста с решением проблемы социального исключения, стремятся за счет социальной политики поднять уровень человеческого капитала одновременно для развития и повышения качества жизни. Бразилия демонстрирует более интенсивную политику справедливого экономического роста. В этом отношении интересно сравнение российского опыта патримониального государства, где баланс экономических задач роста упирается в потребности усиления справедливости и качества жизни, с опытом Бразилии и Китая, которые демонстрируют разные модели управления публичной политикой, но с результатом движения в сторону уменьшения бедности как социальной изоляции. Политика последнего десятилетия в Бразилии демонстрирует успех такой борьбы с бедностью на основе справедливости и роста. Социальная политика в Китае опирается на экономический рост с демонстрацией престижа нового качества жизни. Индия пытается решать проблему бедности большими вложениями в образование и науку. Однако эта стратегия пока только набирает силу. Как свидетельствуют данные доклада об инклюзивном развитии стран, подготовленного к Всемирному экономическому форуму 2015 г., «в развивающихся странах устойчивый сильный рост поднял многих из абсолютной нищеты, но улучшения жизненных стандартов не поспевают за ростом ВВП или были неравномерно распределены. Это наиболее очевидно в Восточной Европе и во многих быстро развивающихся азиатских экономиках, таких как Китай, Индия и Вьетнам, а также в некоторых африканских странах, например в Замбии и Кении. Тем не менее есть некоторые исключения из тенденции расширения неравенства, в основном в Латинской Америке, но они, как правило, наблюдались в тех местах, где неравенство было очень велико» [Samans et al. 2015: 2].

Хотя есть правильное понимание того, что «растущий объем литературы по теории экономического роста утверждает, что процесс роста не является универсальным» [Hanson 2013: 241], тем не менее можно говорить о трех основных парадигмах экономического роста. Одной из них является модель инвестиционного роста. В парадигме роста на основе инвестиций рост обусловлен «внедрением инноваций» и состоит из устойчивого высокого уровня капитальных вложений во внедрение технологий, созданных в других странах. Второй является модель инновационного роста. В парадигме инновационного роста, наоборот, рост состоит из «передовых инноваций», которые заключаются в разработке новых технологий и их распространении вне национальных границ [Aghion, Howitt 2006]. Хотя вторая парадигма учитывает рост социального капитала, однако этот параметр рассматривается как внешнее условие, а не фактор развития. Но теперь мы можем сказать о новой развивающейся парадигме экономического роста и развития. Она основана на интенсивном использовании человеческого капитала. Как пишет Хэнсон, «управление темпами капиталовложений и защитой фирм от конкуренции становится все более неэффективным, так как рост в большей степени зависит от передовых инноваций. Такой рост основан на высоких уровнях человеческого капитала и изобретательской деятельности» [Hanson 2013: 241].

Эта третья парадигма может быть названа ростом на основе человеческого капитала. Все аспекты и формы развития человеческого капитала являются не только показателями благосостояния, но и эффективными двигателями экономического роста. Почему же человеческий капитал выходит на первый план в экономическом развитии? Дело в том, что предыдущие модели роста перестали обеспечивать рост производительности труда. Хотя технологические факторы производства продолжают играть свою роль в производительности труда, однако

все большее значение приобретают человеческие ресурсы, управление, политика и справедливые институты.

Этот рост обеспечивает справедливость, которая выражается в формировании инклюзивных учреждений и широкой социальной интеграции. Мы могли бы принять такое определение социального включения: оно «высветило такие важные понятия, которые являются центральными по отношению к категории социальной интеграции, как равенство, права и социальная сплоченность, а также обратило внимание на барьеры или неравенства, которые мешают отдельным лицам или группам играть полноценную роль в обществе» [Warburton, Sik Hung, Shardlow 2013: 4]. В этом отношении парадигму роста, основанную на развитии человеческого капитала, можно рассматривать в качестве справедливого роста. Следовательно, «под инклюзивным ростом мы имеем в виду, что процесс роста приносит пользу всем отраслям и всем регионам экономики, хотя и не единообразно. Другими словами, рост страны будет считаться инклюзивным, если наряду с увеличением ВВП (валовой внутренний продукт) страны, ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала) также будет увеличиваться» [Roy 2011: 47].

Хотя государство играет важную роль в инвестиционной политике и национальной инновационной системе, но его роль возрастает в инклюзивном развитии. Роль возрастает не в том смысле, что государство берет на себя основную функцию перераспределения плодов экономического роста. Государство играет важную роль в создании институтов связи между экономикой и обществом, между экономическим и социальным развитием. Современные государственные институты призваны обеспечить управляемость, которая является динамическим состоянием, предполагающим открытость государственного управления к реформам, стимулированным задачей формирования и развития динамических способностей государства в сложных и неопределенных средах. Важными для государственной управляемости являются следующие ее характеристики:

а) управляемость как способность государства использовать свои стратегические ресурсы для повышения конкурентоспособности в мире;

б) управляемость как постоянная координация государством ответственных интересов в публичном пространстве выработки и реализации публичной политики и вовлечения в публичность;

в) управляемость государства как способность органов государственной власти справляться с вызовами массовой гражданской и политической мобилизации;

г) управляемость как обеспечение устойчивости коалиций поддержки политики в различных сферах развития общества на основе высокой степени социального сплочения и способности к политическому компромиссу;

д) управляемость как формирование сотрудничества в отношениях государства, бизнеса и общества, стимулирование гражданских способностей путем вовлечения в публичность.

И здесь мы можем говорить о двух важных процессах и структурах, связанных с государственным управлением. Первым из них является управляемость публичной политики. Вторым является введение новых политико-административных институтов для реализации политических и управленческих решений. Вместе они «создают институциональные механизмы, которые опосредуют связи между экономическим и социальным развитием» [Naugar 2006: 825].

Управляемость публичной политики. В современной политической науке заметна тенденция поиска новой модели государственного управления после финансового кризиса 2007–2010 гг. и в условиях нарастания сложности общественных трансформаций. Актуальной задачей в этой связи является соединение многих сторон государственного управления в концепции управляемости. Сложность

и неопределенность повышает значение холистского подхода в исследовании, которому соответствует понятие управляемости. Актуальность проблематики определяется также слабой изученностью влияния новых ресурсов, позволяющих решать одновременно задачи управляемости и инновационной конкурентоспособности. Это, конечно, знание, новые технологии и коммуникационные средства. В этом отношении изучение новых моделей государственной управляемости в аспекте построения динамических способностей государства, обеспечивающих ему проактивную роль во взаимодействии со сложными и неопределенными средами, является актуальной задачей.

Один аспект способностей государства следует подчеркнуть особо. Способное государство будет постоянно вести переговоры с координированным сообществом. Все это означает деятельностный характер государственной управляемости. В этом смысле «партиципаторное демократическое развитие может снять барьеры в политической, экономической и культурной сфере. Для этого недостаточно демократизировать только государство, оно также имеет решающее значение для демократизации экономики. Демократизация только узко определенной политической сферы без демократизации экономики остается уязвимой к плутократии и потребительскому подрыву демократии. Точно так же социализированная экономика под руководством недемократического государства была бы просто еще одним видом авторитаризма. Развитие участия опирается на вовлечение широкой делиберативной общественности» [Schulz 2015: 265]. Справедливость государственной политики является суммой факторов, которые имеют отношение не только к своим результатам, но и к разработке политической линии, которая выдвигается правительством. Можно ли говорить в этой связи о движении политико-административных систем к реализации принципа сотрудничества в публичной политике?

Сотрудничество как принцип публичного управления. Проблема сотрудничества – одна из недавних тем в теории нового публичного управления. Оно основано на трех основных принципах:

– все участники включены в управление, имеют общие проблемы и преследуют свои интересы;

– акторы обмениваются ресурсами, значение которых изначально не очевидно, как это определено в обмене, и которые становятся более важными во время связи совместно с моральной поддержкой в качестве важного ресурса в процессе принятия решений;

– установление сотрудничества – сложный процесс, включающий взаимодействие между различными субъектами, имеющими собственные ресурсы.

Сотрудничество – это особый тип отношений между государственными и частными субъектами. В отличие от модели контракта, в которой главный актер действует в управлении, устанавливая цели и объекты соглашения, форму кооперации и других совместных форм реализации взаимных интересов, сотрудничество предполагает взаимодействие на единой платформе с общим риском и ответственностью за полученные результаты [Teisman, Klijn 2002: 203]. Как отметил Э. Вигода, сотрудничество граждан с государством возможно, если граждане и их ассоциации уполномочены решать ряд общественных проблем: «Расширение прав и возможностей поощряет подлинное поведение свободных граждан без вмешательства правительства. Правительство может создать внешние условия для деятельности отдельных лиц, групп или организованных учреждений. Программы взаимодействия и сотрудничества должны направлять граждан и управлять практикой их понимания» [Vigoda 2002: 535].

Совместная деятельность имеет разные формы. Например, имеется сводка инструментов и моделей, которые используются в процессе разработки реше-

ний и рассматриваются в законах, кодексах или руководящих принципах [Hadzi-Misceva-Evans 2010: 20].

- Доступ к информации: создание онлайн-порталов (регистров), публикация информации о веб-сайтах правительства и его органов, передача информации в средствах массовой информации (телевидение, газеты), официальные бюллетени, порталы общественно-государственного взаимодействия, общественно-государственные СМИ и т.д.

- Консультации: взаимодействие требует консультаций на онлайн-порталах (реестрах) или на веб-сайтах правительства и его органов, в средствах массовой информации (телевидение, газеты), на совместных порталах или в газетах, на общественных слушаниях, конференциях, круглых столах, в консультативных группах граждан, фокус-группах, в онлайн-чатах, списках электронной почты, письменных комментариях, панелях экспертов, публичных дебатах и т.д.

- Активное участие: межсекторальные рабочие группы, встречи экспертов, списки рассылки, онлайн-чаты и т.д. Этот уровень участия предполагает сотрудничество граждан и органов государственной и муниципальной власти, которое повышает интенсивность участия.

Кодекс эффективной практики участия гражданского общества в процессе принятия решений в Совете Европы подчеркивает, что участие общественных групп в различных этапах процесса принятия политических решений зависит от интенсивности участия. Этот код описывает 4 поэтапных уровня участия, от наименьшего до самого высокого уровня: это информация, консультация, диалог и сотрудничество. Они могут применяться на разных этапах процесса принятия решений, но они часто особенно актуальны в определенных моментах процесса.

В этой связи возникает вопрос, что же вносит сотрудничество нового в проект публичного управления по сравнению с договорными отношениями партнерства? Конечно, на первый взгляд партнерство и есть сотрудничество. Часто эти термины используются как однородные, взаимозаменяемые. Между тем практика партнерства и сотрудничества позволяет разделить содержание этих форм взаимодействия и найти их отличительные признаки. Для сравнения этих форм взаимной деятельности воспользуемся работой Роса Карнвелла и Алекса Карсона, которые провели большую аналитическую деятельность по уточнению этих терминов, основываясь на практике взаимодействия в сфере здравоохранения и социальной защиты [Carnwell, Carson 2008: 11, 14-15].

Характеристики партнерства: доверие и уверенность в подотчетности; уважение к специализированной экспертизе; совместная работа; работа в команде; пересечение профессиональных границ; члены партнерства разделяют одни интересы; подходящая структура управления; общие цели; открытая коммуникация внутри и между партнерскими организациями; соглашение о целях; взаимность; сопереживание.

Характеристики сотрудничества: интеллектуальные и кооперативные усилия; знание и экспертиза более значимы, чем роли и положения; совместное предпринятие; работа в команде; участие в планировании и принятии решений; иерархические отношения; совместная экспертиза; доверие и уважение к сотрудничающим сторонам; партнерство; взаимозависимость; крепкая сетевая связь; низкий уровень ожидания ответного действия.

Как видно из перечисленных характеристик двух принципов взаимодействия, партнерство и сотрудничество имеют некоторые общие, взаимопересекающиеся характеристики организационного, социального, психологического и этического планов. Однако сравнительный анализ характеристик позволяет сказать, что партнерство является более институционализированным и формализованным типом взаимодействия, чем сотрудничество. Карнвелл и Карсон пишут, что

различия между этими терминами следует брать в расчет при сравнении контекстов, в которых возникают эти отношения. Где-то общая разграничительная линия лежит в различии между «быть вместе» (быть партнерами) и «действовать вместе» (сотрудничать) [Carnwell, Carson 2008: 10]. Для более четкого разведения этих понятий можно, наверное, сказать, что партнерство является совместной деятельностью, основанной на распределенных (часто равных) правах и обязанностях и направленной на достижение общих целей, тогда как сотрудничество — это совместная деятельность, основанная на безусловном желании взаимодействующих сторон работать вместе для достижения общих интересов. Партнерство нагружено внешними правовыми условиями совместной деятельности, тогда как сотрудничество предполагает внутреннюю готовность действовать вместе на основе взаимной помощи и ответственности. Можно ли обнаружить эти принципы или, по крайней мере, движение к этим принципам в развитии политико-административных реформ в странах БРИКС? На наш взгляд, партнерство и сотрудничество начинают набирать вес в ходе реформ институтов выработки и реализации публичной политики.

Новый характер политико-административных реформ. Если в 1990–2005 гг. административные реформы во всех странах мира преимущественно ориентировались на экономический подход, выраженный в новом государственном менеджменте, то в последние 10 лет произошла существенная трансформация подходов и принципов административной трансформации государства, позволяющая повысить уровень его управляемости и конкурентоспособности. Управляемость государства сегодня понимается как система его институциональных способностей, позволяющих обеспечить стабильную, качественную и отзывчивую организацию для безопасности, удовлетворения публичных услуг, состоятельности и справедливости экономического роста.

Страны БРИКС в последние три десятилетия в ходе административных реформ заложили основы новой системы публичного управления, которая в целом продемонстрировала свою эффективность высокими темпами экономического роста и более-менее удачными социальными достижениями. С 1982 г. в Китае 7 раундов институциональных реформ привели к реорганизации центрального правительства, сопровождавшейся сокращением его численности, повышением роли стратегического макроуправления, формированием новой системы государственной службы. В ходе этих реформ отмечается значительная децентрализация управления и повышение качества отношений между центральным и местным управлением. Значительные права были делегированы управлению в коммунах. XVIII съезд КПК в октябре–ноябре 2012 г. поставил задачу проведения новой административной реформы, которая включала бы в себя построение государственного управления на основе закона, совершенствование системы государственных услуг, отделение функций административных органов от функций управления государственными предприятиями, органов по управлению государственными активами и др. [Кириллов 2013; Трошинский 2014]. Следует отметить, что государство в Китае трансформировалось под влиянием рыночной экономики, сохраняя ведущие позиции в системе публичного управления. Как пишет Йонг Цзень, «глобализация ослабила власть китайского государства в некоторых областях; и государство отвечало на это ослабление то осознанно, то бессознательно. Китайское государство не стало просто играть роль пожарной бригады, реагируя пассивно на негативные обстоятельства экономической трансформации и глобализации. Вместо этого государство выбрало проактивный подход к реформированию государственной системы. Эти сознательные действия не только модернизировали китайское государство, но и усилили его власть во многих отношениях» [Zheng 2004: 2]. В Китае современные административные трансформации осуществля-

ются на основе идеи «продвижения плюрального управления» в противоположность таким принципам управления, как социальный контроль и унитарность. В большей мере это касается допуска гражданских ассоциаций к предоставлению социальных услуг, чем их прямого участия в публичном управлении, однако расширение функциональных границ НКО, признанных правом, считается условием развития «плюрального управления».

Вторая административная реформа в Индии 2005 г. (первая прошла в 1966 г.) способствовала внедрению нового государственного менеджмента, развитию электронного управления и электронных услуг, модернизации административной этики, системы оценки эффективности на всех уровнях публичного управления и др. В Индии поправки к Конституции в 1992 г. привели к формированию конституционной системы местного самоуправления, включающей в себя традиционные советы деревень (*the Panchayat Raj*) и городское самоуправление, что расширило их полномочия по решению политических вопросов местного значения. Особенностью административной реформы выступает также активное использование менеджмента знаний для формирования электронного правительства, совершенствования государственно-частного партнерства, повышения эффективности предоставления публичных услуг.

В 1995 г. в Бразилии под руководством президента Фернандо Кардозо началась реализация Директивного плана реформы государственного аппарата, нацеленного на выход из фискального кризиса, коллапса публичного управления в условиях глобальной экономики, преодоление неспособности бюрократии справиться с предоставлением публичных услуг. Реорганизация затронула все уровни публичного управления и проходила под общими идеологическими установками социального либерализма, который должен обеспечить защиту социальных и экономических прав и создать более конкурентную среду для реализации публичных услуг. В Бразилии в 1990-х и нулевых годах управление, основанное на участии, является важным направлением административных реформ. Оно восполняет недостаток влияния граждан на политику управления, образовавшийся в связи со слабостью партийной системы и отсутствием развитых парламентских традиций [Wampler 2012: 344]. Здесь оно приняло формы «бюджетирования, основанного на участии» (*participatory budgeting*), когда граждане мобилизуются для участия в определении муниципальных бюджетов, а также создается ряд управленческих советов в муниципалитетах (*conselhos*), которые участвуют в решении вопросов политики в области образования, здравоохранения, транспорта и т.д. Важное место в политико-административном влиянии занимают ассоциации гражданского общества, деятельность которых во взаимодействии с государством концептуально описывается понятиями «право иметь права» и «партисипаторная публика».

В России административная реформа 2003–2010 гг. произвела значительные структурные, функциональные и мотивационные изменения в системе, хотя и не была реализована в соответствии с первоначальными планами. Дополненная в дальнейшем формированием электронного управления и системы электронных услуг, она позволила в целом поднять уровень эффективности публичного управления и его соответствие задачам экономической стабилизации и развития. В этом отношении, например, в России ставится задача построить систему сбалансированного принятия решений на основе принципов федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (который был принят 28 июня 2014 г.), а политические дискуссии о новой административной реформе прямо декларируют проблему перехода от ручного управления к программному.

Начиная с 1994 г. с принятием закона о публичной службе начинается реформа управления в Южной Африке, нацеленная на повышение эффективности как

чиновничества, так системы публичного управления в целом. Эта реформа осуществлялась, прежде всего, по пути рационализации управления, повышения роли права и координации деятельности центральной и местной систем управления. В 1995 г. В ЮАР был принят закон о трудовых отношениях, который «был нацелен на экономическое развитие, социальную справедливость и демократизацию на рабочем месте» [Schulz 2015: 268]. С одной стороны, административные реформы привели к формированию институтов, повышающих уровень стратегических способностей публичного управления, к включению гражданского общества и групп интересов в процесс принятия решений. С другой стороны, не удалось улучшить систему взаимодействия между министерствами, управленческую коммуникацию и процесс внедрения политических решений; остаются также проблемы nepотизма и коррупции [Najim, Schraad-Tischler 2012: 6].

Все эти публично-административные трансформации способствовали стабилизации систем управления в странах БРИКС, их направленности на эффективность и качество предоставления публичных услуг, экономическое развитие и обеспечение социальных прав. Следует заметить, что результативность реформ по странам была различной, как и их социальный и экономический эффект. Однако в целом применительно к решению контекстных задач соответствующего периода управляемость была обеспечена. В последние годы страны БРИКС столкнулись с современными вызовами и рисками, которые заставили или предпринимать новые меры в отношении системы публичного управления, или ставить эти вопросы в актуальную политическую повестку дня. Ясно, что формирование публичного управления, которое будет соответствовать задачам справедливого развития и повышению уровня социального благополучия, требует не только институтов, но и культуры партнерства и сотрудничества.

Пока в странах БРИКС административные трансформации последнего времени не определяются в качестве некоей политики административной реформы (за исключением Китая). Наблюдается период поиска таких принципов и подходов, которые в дальнейшем могут трансформироваться в административные реформы под новым именем.

Список литературы

- Кириллов А. 2013. Китай: время перемен. — *Китай*. № 12. С. 22-25.
- Спенс М. 2013. *Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях*. М.: Изд-во Института Гайдара. 336 с.
- Трошинский П.В. 2014. Административная реформа в КНР: политико-правовые аспекты. — *Административное и муниципальное право*. № 12. С. 1264-1270.
- Aghion P., Howitt P. 2006. Appropriate Growth Policy: A Unifying Framework. — *Journal of the European Economic Association*. Vol. 4. No. 2-3. P. 269-314.
- Carnwell R., Carson A. 2008. The Concepts of Partnership and Collaboration. — *Effective Practice in Health, Social Care and Criminal Justice: A Partnership Approach*. 2nd ed. (ed. by R. Carnwell, J. Buchanan). Maidenhead: Open Universities Press.
- Hadzi-Miceva-Evans K. 2010. Comparative Overview of European Standards and Practices in Regulating Public Participation. — *European Center for Not-for-Profit Law (ECNL)*. Доступ: http://ecnl.org/dindocuments/382_Comparative%20Overview%20Participation%20in%20Law%20Making%20eng.pdf (accessed 20.10.2017).
- Hanson J. 2013. Growth Paradigms and Congruent Institutions: Estimating Context-Varying Effects of Political Institutions on Economic Performance. — *Political Science Research and Methods*. Vol. 1. No. 2. P. 239-262.
- Najim A., Schraad-Tischler D. 2012. Governance Capacities in the BRICS. URL:

<http://www.sgi-network.org/brics/pdf/Governance%20Capacities%20in%20the%20BRICS.pdf> (accessed 15.03.2017).

Nayyar D. 2006. India's Unfinished Journey Transforming Growth into Development. – *Modern Asian Studies*. Vol. 40. No. 3. P. 797-832.

Roy A. 2011. Inclusive Growth through MFIs' Outreach in Assam. – *Asia-Pacific Business Review*. Vol. 7. No. 3. P. 47-62.

Samans R., Blanke J., Corrigan G., Drzeniek M. 2015. *The Inclusive Growth and Development Report 2015*. Geneva. WEF. 95 p.

Schulz M. 2015. Inequality, Development, and the Rising Democracies of the Global South. – *Current Sociology Monograph*. Vol. 63. No. 2. P. 261-279.

Teisman G., Klijn E.-H. 2002. Partnership Arrangements: Governmental Rhetoric or Governance Scheme? – *Public Administration Review*. Vol. 62. No. 2. P. 197-205.

Vigoda E. 2002. From Responsiveness to Collaboration: Governance, Citizens, and the Next Generation of Public Administration. – *Public Administration Review*. Vol. 62. No. 5. P. 527-540.

Wampler B. 2012. Entering the State: Civil Society Activism and Participatory Governance in Brazil. – *Political Studies*. Vol. 60. No. 2. P. 341-362.

Warburton J., Sik Hung Ng., Shardlow S. M. 2013. Social Inclusion in an Ageing World: Introduction to the Special Issue. – *Ageing and Society*. Vol. 33. No. 1. P. 1-15.

Zheng Y. 2004. *Globalization and State Transformation in China*. Cambridge: Cambridge University Press. 288 p.

SMORGUNOV Leonid Vladimirovich, Dr.Sci. (Philos.), Professor, Head of the Chair of Political Governance, Saint Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb, Saint-Petersburg, Russia, 199034; l.smorgunov@spbu.ru)

THE STATE, COOPERATION AND INCLUSIVE ECONOMIC GROWTH

Abstract. The article considers the modern approaches to defining the role of state as factor in equitable economic growth. States are seen as the new competitive state, seeking not only to ensure stable economic growth, but also to associate it with such a public investment policy that would reduce the level of inequality in society and contribute to improving the welfare of their citizens. Special attention is paid to the types of economic growth, management of public policy and its types, which are defined by the attitude to it as to the factor of economic development, and to politico-administrative reforms in the BRICS countries. The author marks an open nature of the political and administrative transformations and their insufficient conceptual design as political and administrative reform of a new type.

Keywords: inclusive growth, government, governance, justice, partnership, cooperation, political and administrative reforms, BRICS
